

Заветные практики и их роль в жизни тихвинских карелов

А. А. Бландов

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
vap_87@inbox.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Заветы или обеты были известны во всем христианском мире. Во исполнение заветов возводились церкви, учреждались праздники и совершались паломничества. Некоторые аспекты этой традиции уже становились объектом исследовательского интереса, однако специальных работ, посвящённых заветам в жизни карельского народа, не существует.

Целью: выявление роли и описание разнообразия заветных практик, среди тихвинских карелов, бытовавших в XX в.

Материалы исследования: полевые материалы, собранные автором в карельских и русских деревнях Ленинградской области в 2020–2024 гг., опубликованные материалы других исследователей и образцы карельской речи, размещённые в Открытом корпусе вепсского и карельского языков.

Результаты и научная новизна. В настоящей статье впервые изучается всё разнообразие связанных с заветами практик, бытовавших в XX в. среди тихвинских карелов. В научный оборот вводится большое количество новых экспедиционных материалов. Особое внимание уделяется таким феноменам как заветные часовни, заветные праздники и паломничества. Примечательно, что большинство местночтимых святынь, к которым приходили по завету, находилось в русских и нестарообрядческих деревнях. Исповедовавшие старообрядчество радикального толка карелы осознавали, что посещение таких мест греховно, но в связи с заветами делали исключения. Чаще всего к заветам прибегали в связи с болезнями и проблемами со скотом. Но имеющиеся материалы показывают, что порой заветы выполняли и поминальные функции, значение которых в наше время возрастает.

Ключевые слова: тихвинские карелы, озеряне, старообрядчество, федосеевство, заветы, обеты, паломничество

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 125032004283-0 «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты».

Для цитирования: Бландов А. А. Заветные практики и их роль в жизни тихвинских карелов // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 3 (62). С. 504–517.

Sacred vow practices and their role in the life of the Tikhvin Karelians

A. A. Blandov

*Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
vap_87@inbox.ru*

ABSTRACT

Introduction: the sacred vows were widespread in the Christian world. In accordance with such promises people built churches, established new festivals and made pilgrimages. Some aspects of this tradition have already been investigated by the scholars. But still there are no studies written on the Karelian material and specially devoted to the vows.

Objective: to identify the role and to describe the variety of vow practices of of the XX century.

Research materials: field materials collected by the author in Karelian and Russian villages of the Leningrad Oblast in 2020–2024; published materials of other researchers and samples of Karelian speech, posted in the Open Corpus of the Vepsian and Karelian languages.

Results and novelty of the research: the article examines the whole variety of vows that were taken and fulfilled by the Tikhvin Karelians in the XX century. The author involves a large number of new expedition materials. Special attention is paid to such phenomena as votive chapels, votive feasts and pilgrimages. The latter were mainly made to the local sacred sites: springs, crosses, and chapels. It is noteworthy that most of these objects were located in Russian and Orthodox villages. The Karelians, who belonged to the radical Old Belief denomination, realized that visiting such places was sinful, but made exceptions because of their vows. Usually peasants made sacred promises in exchange for the curing of different illnesses and resolving various problems with their stock. But the materials available show that the practice of vow could also perform memorial functions.

Key words: Tikhvin Karelians, Ozerskoe people, old belief, Fedoseev commune, vow, oath, pilgrimage

Acknowledgments: the article was prepared as part of the state assignment of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences № 125032004283-0 “Spiritual traditions of the peoples of Karelia: texts and contexts”.

For citation: Blandov A. A. Sacred vow practices and their role in the life of the Tikhvin Karelians // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (3/62): 504–517.

Введение

Заветом или обетом называют обещание, данное перед Богом. Например, в соответствии с монашеским уставом, иноки дают обеты безбрачия, нестяжания и послушания. Но обеты могли давать и обычные миряне. Как правило, такие обязательства брались в связи с каким-либо несчастьем: чтобы попросить Бога или святого о помощи, чтобы поблагодарить за уже оказанную помощь, или превентивно – для предотвращения несчастья в будущем.

«Завещаться» или «дать завет» мог отдельный человек или целая община, на какой-то период или на всю жизнь. Во исполнение завета обычно совершалось какое-либо богоугодное действие: строительство церкви, внесение вклада в монастырь, совершение паломничества, наложение на себя дополнительного поста, учреждение нового праздника в честь какого-либо святого и т. д. Такая традиция бытовала повсеместно на Руси и, вероятно, во всем остальном христианском мире, при этом, конечно, отличалась локальным разнообразием.

В отечественной литературе заветам как духовной практике православного населения посвящено немного специальных исследований [15]. Наиболее детально описаны заветные практики, бытовавшие среди крестьян Русского Севера и Северо-Запада [6; 19; 20; 22; 32; 38; 40].

Нет оснований сомневаться, что аналогичная традиция имела широкое распространение и среди карельского народа. Во всяком случае, глагол *jiäkšie* ‘давать обет’ и существительное *jiäkšintähini / jiäkšintä* ‘обет’ отмечены у северных, олонецких и тверских карелов [28, 102; 29, 74; 30, 145]. Этимология этих слов не установлена [44, 244]. Можно лишь предполагать, что они образованы от глагола *jiähä* ‘оставаться’ с использованием суффикса *-kši*, означающего повторяемость действия.

На карельском материале некоторые связанные с заветами практики описаны в работах Г. А. Никитина [21], А. П. Конкка [11] и Л. Старк [46]. Однако отдельного исследования по этой теме не существует.

Имеющиеся в литературе лакуны частично восполняет настоящая статья. В ней предпринимается попытка определения роли и описания всего разнообразия заветных практик, встречавшихся в XX в. среди тихвинских карелов – этнографической группы, проживающей в Бокситогорском районе Ленинградской области.

Материалы и методы

Источниковой базой для настоящего исследования послужили полевые материалы, собранные автором в 2020–2024 гг. в карельских и русских деревнях на юго-востоке Ленинградской области. Дополнительно привлекались материалы В. Д. Рягова [27] и О. М. Фишман [34], а также образцы карельской речи, размещённые в Открытом корпусе вепского и карельского языков ВепКар.

В полевой работе автором использовались методы глубинного интервью и наблюдения. В статье применяются также культурно-исторический, описательный и другие общенаучные и специальные методы исследований.

Результаты

Несмотря на то, что тихвинские карелы привлекли внимание учёного сообщества ещё в начале XX в., их история изучена пока не всесторонне. Насколько позволяют судить имеющиеся источники, формирование данной этнографической группы происходило во второй половине XVII в. Первоначально ареал карельского расселения был несколько шире, чем сегодня. Постепенно, впрочем, периферийные деревни обрусели или опустели, и к середине XX в. в пределах Бокситогорского района Ленинградской области осталось лишь 15 карельских поселений [5, 107]. Несмотря на их изолированность от остального карельского мира, карельский язык в этих деревнях по-прежнему жив, как правило, им владеют люди среднего и старшего возраста. Согласно гипотезе О. М. Фишман, не последнюю роль в сохранении языка и идентичности тихвинских карелов играла профессиональная

принадлежность – большинство из них исповедовало старообрядчество радикального фелдосеевского согласия [34, 348–349].

Старообрядческими являлись карельские деревни Дубровка, Новинка, Забелино, Коргорка, Бирючёво, Логиново и Утливо. В трёх из этих деревень во второй половине XX в. действовали староверские моленные. Преимущественно старообрядческим (мирским) было население деревень Дятелка, Коростелёво, Городок и Селище. Мирским являлось и почти всё русское окружение. Справедливости ради, отметим, что в XIX в. и в нескольких соседних русских деревнях отмечались старообрядцы [13, 205]. Однако на памяти наших информантов небольшая староверская община оставалась, по-видимому, лишь в д. Шульгино. В XX в. ближайшие к тихвинским карелам крупные русские старообрядческие поселения находились в нескольких десятках километрах на север, в бассейне реки Тихвинки. Там проживали так называемые озерае [8, 7–14], с которыми карелы-старообрядцы поддерживали эпизодические конфессиональные связи. Собранный среди озераев материал также используется в настоящей статье.

Сакральная топография исследуемого нами микрорегиона реконструируется сегодня лишь фрагментарно. С XVII в. всё православное население карельских деревень относилось к Озерёвскому приходу. В 1899 г. в наиболее отдалённой карельской д. Селище «для ослабления раскола среди карелов» был построен ещё один – единоверческий храм, освящённый в честь Донской иконы Божией Матери [31, 78]. Часовни же имелись в большинстве карельских и во многих соседних русских деревнях. При этом одни карельские часовни (например, в дд. Толсть и Курята) сегодня однозначно воспринимаются как мирские, а другие, прежде всего кладбищенские, считаются староверскими [34, 152].

Заветные часовни и праздники

О времени и обстоятельствах строительства деревенских часовен у нас нет документальных свидетельств. Даже датировать сохранившиеся донныне часовни удаётся лишь приблизительно [14, 15–26]. Бытующие предания также рисуют весьма противоречивую

картину. Так, возведение нынешней часовни в карельской д. Толсть предание соотносит с чудесным явлением деревянного креста [26, 261; 34, 144–145]¹. С приплывшим против течения реки каменным крестом (очень распространённый на Русском Севере сюжет) фольклорная традиция связывает и строительство часовни в русской д. Белый Бор [26, 248; 34, 148]. Хотя прежде относительно её появления бытовали и другие нарративы: «В деревне когда-то жила помещица, – рассказывали деревенские жители в 1970-х гг., – у неё было два сына (в другом варианте – 2 брата) близнеца. Они тонули (или один из них) в море 28 июля, но спаслись и дали завет, если спасутся – поставят часовню в честь святых, которые празднуются в этот день. Вернувшись домой, они поставили часовню. С тех пор день святых Кирика и Улиты считается престольным праздником деревни» [26, 246].

При каких обстоятельствах в действительности была возведена белоборская часовня, неизвестно. Однако совершенно точно завет как основание для храмостроительства был известен в данном регионе. Не случайно, что упоминавшаяся выше единоверческая церковь в Селищах, по мнению некоторых информантов, также построена по завету [34, 124].

В целом обычай строить заветные храмы и часовни был широко распространён в христианском мире [16, 285–302]. Такие часовни ставили в честь избавления деревни или города от того или иного бедствия, например, эпидемии, пожара или неурожая. Но часовню мог построить и отдельный человек, чаще всего в благодарность за спасение жизни и излечение от страшного недуга.

Именно при таких обстоятельствах, например, появилась часовня на кладбище у озера в д. Ростань. Она была срублена в 1952 г. уроженцем этих мест, получившим на войне сильное ранение и давшим обещание в случае выздоровления построить часовню у себя на родине. Получив благословение у ленинградских старообрядцев, он приступил к делу. Информанты подчёркивают, что весь процесс строительства (от заготовки брёвен до возведения крыши) он осуществлял самостоятельно, без посторонней помощи. По рассказам

¹ См. также: Pover'ja časoun'ašta // Открытый корпус вепского и карельского языков VenCap. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/5541> (дата обращения: 24.02.2025).

местных жителей, поначалу в часовне собирались только староверы. Впоследствии её стали посещать и мирские, но в отдельное время [ПМА 2: Богданова, Петрова].

Необходимо отметить, что это не единственная часовня, построенная или отремонтированная на памяти наших собеседников. Так, в середине XX в. по инициативе бригадира местного совхоза была построена небольшая часовня в роще около карельской д. Бирючёво. Но чем руководствовался бригадир, принимая решение о строительстве, не ясно: «Это тятя рассказывал, это ещё при Ливонской войне жили три сестры, там домик такой был небольшой, и ливонцы их сожгли заживо, трёх сестёр. Была часовенка поставлена, потом она уже разрушилась. Это, наверное, в 60-е гг. где-то, я маленькая была, мне, может, лет 5–6 было, я помню, лучинку-то вот драли ребята, вот до армии те, которые вот, Кинтушевы ребята всё. Тятя им как бригадир был, они драли эту дранку и покрыли, сделали маленькую такую часовенку, и там иконки были поставлены всё, а потом увезли. [Соб.: А кто сделал?] А вот ребята наши вот и делали – Кинтушевы ребята, я уж не помню, это молодёжь, до армии такие вот. [Соб.: А зачем они? Просили их?] Не, просто тятя попросил. Говорит: “Давайте, ребята, сделаем, поставим!” [Соб.: Он был верующим?] Ну как. Он был коммунист, но он сказал: “Не у меня это, – говорит, – поставлено, не мне и ломать”» [ПМА 4: Данилова].

В 1989 г. новая часовня появилась и в карельской д. Курята. Её построил местный уроженец, вернувшийся в деревню после долгих лет жизни в городе. По рассказам родственников, на это дело его сподвиг не данный завет, а просто желание сделать доброе дело [ПМА 6: Кольцов]. Не заветными мотивами, а скорее желанием искупить грех руководствовался и житель д. Забелино. Тяжело заболев, он был готов самостоятельно срубить новую часовню взамен разрушенной им много лет назад, но не успел [ПМА 5: Ерошёнкова; ПМА 6: Осипова].

Возведение часовни обычно давало начало новому деревенскому празднику. Однако нередко, в связи с неурожаем, градобитьем или падежом скота, праздник учреждался и без построения часовни – по завету [1, 7–45; 17, 122–161; 10, 129–155; 18, 227–238]. Люди осознанно брали на себя обязательство не работать определённый день в году в надежде на то, что

тот или иной святой не допустит повторения несчастья в будущем. Учитывая, что большинство заветных праздников учреждалось летом, в самый разгар сельскохозяйственных работ, можно понять, насколько велика была жертва крестьян.

А. В. Черных предполагал, что заветные праздники зачастую возникали при активном участии церкви и духовенства, и поэтому среди староверческого населения встречались редко [36, 162–163]. Однако, по мнению О. М. Фишман, все деревенские праздники тихвинских карелов-старообрядцев «имели обетный характер или происхождение» [34, 153]. Имеющиеся источники не дают нам возможности подтвердить или опровергнуть высказанную исследовательницей гипотезу, но в ряде случаев деревенские праздники действительно не совпадали с освящением часовен, а в некоторых карельских деревнях часовни и вовсе отсутствовали. Стало быть, нельзя исключать, что происхождение некоторых праздников может быть связано и с практикой завета.

Впрочем, вопрос о генезисе деревенских праздников в целом пока далёк от разрешения. И чтобы приблизиться к ответам на сложившиеся вопросы, необходимо, помимо устных материалов, привлекать широкий круг архивных источников.

Паломничества

В XX в. наиболее распространённой заветной практикой тихвинских карелов были паломничества. На сегодняшний день феномену паломничества посвящена обширная научная литература. Самый полный её обзор представлен в монографии С. Коулмана [41]. В последние десятилетия объектом ряда исследований стали паломничества в России [42; 43; 45; 47]. На карельском материале эта тема рассмотрена в монографии Л. Старк [46]. В большинстве из этих работ речь идёт о богомольях, совершавшихся к крупным святыням, прежде всего к монастырям. Вероятно, чтобы отправиться в столь дальнее путешествие, в жизни крестьянина должно было произойти из ряда вон выходящее событие. Для решения повседневных проблем тихвинские карелы чаще обращались к местным святыням – почитаемым родникам, камням, крестам и часовням.

Кроме того, определённым сакральным статусом среди русского и карельского населения региона обладали средневековые могильники

(т. н. жальники), а также другие археологические объекты [23, 240, 254; 37, 164]. Назовём некоторые из них: рощи около д. Коргорка, курганы около д. Городок, жальник в Опоках, урочище Церковный мыс на Струпинском озере, жальник в д. Шульгино и др. С ними связаны рассказы о кладях, о войне с Литвой, о захороненных великанах и о провалившейся церкви. На такого рода объекты могли распространяться те же запреты, что и на обычные кладбища, а нарушителей запретов могла постичь божественная кара.

Большинство подобного рода археологических памятников не являлись святынями в прямом смысле слова. В качестве исключения выделим упоминавшуюся выше Бирючёвскую рощу (*Birčovanroššane*) – группу из нескольких старых сосен на въезде в д. Бирючёво. Рассказывают, что в этой роще приняли мученическую смерть за старую веру некие «девки». Долгое время на том месте стояла часовня, к которой ходили «по завету». Мужчина, строивший в 1990-х гг. дом по соседству, просил у «девок» символическое на то разрешение [5, 109].

Примечательно, что это единственное известное нам почитаемое место, связанное с жизнью староверских подвижников. Например, никак не почиталось урочище *Grišadiädönšelen'n'ä*, где в начале XX в. поселились два брата-инока [34, 85–88; 5, 109]. Не обладает сакральным статусом и здание бывшей староверской моленной в д. Бирючёво.

Как правило, местные святыни почитались жителями одной-двух деревень, и лишь в редких случаях притягивали паломников издалека. В обследованном нами микрорегионе таковыми являлись часовня и родник в русской д. Белый Бор, а у озерян – камень и часовня в д. Михеево. До революции большое число паломников приходило также в единоверческую церковь в д. Селище: «А народу! Все шли по завету, по завету собирались. Поп службу отслужит. Начнёт он вечером, часок поотдохнёт, на следующий день обедню отслужит, если у кого завещано (завещали ведь отслужить обедню, завещано же). Вот он целый день и служит. Не знаю, то ли помогало, то ли нет. Ведь кто и Богородице завещает, а кто и Спасу, ну а больше Донскому завещали» (перевод с карельского языка) [27, 173]. Кроме того, О. М. Фишман называет широко известными святынями уже упоминавшиеся Бирючёвскую

рощу и часовню в карельской д. Толсть [34, 92, 120, 144], но наши материалы второй половины XX в. этого не подтверждают.

Примечательно, что многие святыни, к которым ходили карельские паломники, находились в русских и нестарообрядческих деревнях. Известны даже случаи, когда старообрядцы-карелы отправлялись по завету в православные храмы и в Тихвинский монастырь: «Ходили, ходили... в монастырь, на машинах не ездили... Те, кто помоложе, и за два дня дойдут, а те, кто постарше, прошагают и три дня. Но на машинах не ездили, если завещано» (перевод с карельского языка) [27, 335].

Конечно, старообрядцы осознавали, что посещение мирских часовен и церквей – это грех, и в повседневной жизни туда не заходили, но в связи с заветами делали исключение. По сведениям О. М. Фишман, староверы могли приходить в мирские часовни рано утром или накануне общепринятых дат [34, 144, 239]. Озеряне вообще могли не заходить в православные часовни, предпочитая молиться на улице.

В паломничествах принимали участие в основном женщины, которые нередко брали с собой детей. Очень распространены были заветы, данные матерью за ребёнка.

Поводами для совершения паломничества являлись самые разные болезни, отсутствие детей в семье или проблемы со скотом. И хотя некоторые авторы характеризуют завет как тайный договор с Богом [9, 35], обычно причина завета довольно скоро становилась общеизвестной.

Порой к совершению паломничества человека побуждало сновидение [24, 87–90]. О. М. Фишман пересказывает один из таких случаев: «Матери, у которой очень серьёзно болел сын, на праздник Донской Божьей Матери приснилась часовня, аналог которой она нашла в одной из карельских деревень и куда отнесла заветное полотенце; после её полусуточного моления в часовне сын поправился» [33, 137–138].

Но иногда мотив, побудивший человека совершать ежегодные богомолья, установить сложно. О. М. Фишман описывает случай, как мужчина дал обещание ходить в Белый Бор после самоубийства своей жены и ребёнка [34, 150]. По всей видимости, являясь устойчивым стереотипом поведения в кризисной ситуации,

заветы могли выполнять и поминальную функцию. Так, ещё в начале XX в. озера́не ходили молиться на жальник около д. Михалёво и одевали на стоявший там каменный крест рубашки умерших детей [7, 529].

Ряд авторов называет заветы ещё и «формой покаяния» [2, 16–17; 15, 243]. Другие, впрочем, с такой характеристикой не соглашаются [25, 71; 46, 57]. И действительно, мотивы совершённого греха и покаяния хоть и усматриваются в некоторых записанных нами нарративах, но точно не являются доминирующими.

Как правило, богомольцы приходили к святыням в определённые дни, обычно раз в год, на праздник, отмечающийся в ближайшей деревне. Таким образом паломники становились участниками коллективного действия, которое, как представляется, позволяло почувствовать целостность группы и большую защиту перед лицом тревоги [40, 127].

При этом, дав завет однажды, крестьяне начинали ходить к святыне ежегодно, даже после разрешения кризисной ситуации: «Одна женщина у нас была, тётя Нюра её звали, что-то у неё, видимо, было случивше нехорошее, что она завещала. “Буду, – говорит, – в Белый Бор каждый год, – там вот когда это праздник-то, 28-го иль как-то, праздник там, – ходить в часовенку в эту”. Вот она, пока могла, всё каждый год ходила в эту часовенку, у ней завещание было такое. Видимо, что-то у ней там случилось» [ПМА 1: Осипова].

В некоторых случаях по условиям завета требовалось сходить к святыне дважды или трижды: «Обязательно надо *kolmičči jäkšie*¹, например, три раза сходить, обязательно три раза сходить в часовню. Мы, например, с сестрой – её сейчас нету – ходили в Новгородскую область, деревня Заозерье. *šiel' ol' časovne. I mun sizar' kävy omašta pojašta jäkšimää* – три раза на здоровье, ну, *jäkši, šiel' kumardel*². [Соб.: А что было с сыном?] У него сердце большое было. Ну сейчас его уже нет, да. А она, наверное, часовня эта, до сих пор стоит» [ПМА 6: Круглова].

Иногда, впрочем, ограничивались однократным посещением святыни. Собеседница О. М. Фишман рассказывала, что как-то раз у

неё целую неделю не было овцы, и она решила, если скотина вернётся, то сделает завет в церковь. На следующий день овца нашлась, и женщина, вместо того, чтобы идти на работу, поехала в церковь, «завещание дала» [35, 151].

Данный однажды завет необходимо было выполнить, во что бы то ни стало: «Из-за глаз я обещала Ивану-постному сходить в Утливо, – рассказывала жительница д. Селище. – А я не иду и не иду, всё как-то не было времени, всё нет времени. И является, видишь ли, девушка, нет, не девушка, а женщина, и говорит: “Обещать-то ты обещала, а завета своего не выполняешь. Тебе всё это бесполезно, бесполезно”. Вроде и не сплю, а так – со мной разговаривает она: “Коль обещала, так надо исполнить. Если не исполнишь, то бесполезно”. Страшно станет, и проснёшься» (перевод с карельского языка) [27, 231–232].

Вотивные дары

Считается, что прийти к святыне с пустыми руками – грех. С собой непременно несли вотивные дары – жертвы святому месту [3, 50–67]. Такие приношения тоже обычно назывались заветами. Если в сенокосную пору сложно было отлучиться к святыне лично, то старались, по крайней мере, передать заветное приношение с другим человеком.

Распространённым даром были мелкие монеты. Например, деньги бросали в ключ около часовни в Белом Бору, оставляли в маленькой часовенке в Бирючёвской роще и клали на каменную плиту на турандинском кладбище. Носителями традиции это воспринималось как плата Богу за испрашиваемое исцеление. По справедливому замечанию А. А. Панченко, ближайший аналог этой традиции – бросание монет в могилу при похоронах как плата Богу за землю [22, 84–85]. Но если в похоронном обряде тихвинские карелы использовали медные деньги, то в качестве заветного приношения использовали исключительно монеты белого цвета.

Иногда в качестве приношений фигурирует пища. Например, яйца и конфеты оставляли у камня в д. Михеево и в белоборской часовне. Подобные действия тоже сближают заветную традицию с поминальной.

¹ Завещаться трижды (перевод с карельского языка).

² Там была часовня. И моя сестра ходила завещаться за своего сына три раза — на здоровье, ну завещалась, молилась там (перевод с карельского языка).

Некоторые современные исследователи даже сравнивают паломничества по завету с посещением могил на кладбищах [40, 114–127] и с жертвоприношениями духам природы [46, 41–42, 68]. Не оспаривая эти наблюдения, подчеркнём, что наши собеседники чётко разграничивают названные практики.

По наблюдению Т. Б. Щепанской, вотивы часто несли в себе информацию о случившемся несчастье и о запрашиваемой помощи [38, 119]. Так, если болели ноги, то в Белый Бор несли носки и чулки, если болели руки – то рукавицы, в случае болезни детей несли детские рубашки, а если были проблемы со скотиной, то приносили в часовню шерсть.

Но чаще всего среди приношений встречались платки, полотенца и ленты: «У нас говорят *jiäkšie*, – объясняла жительница д. Толсть, – просят Богородицу и типа как подарочек ей оставляют, поэтому в нашей часовенке очень много платочков и полотенец» [ПМА 3: Алавацкая].

Примечательно, что заветные полотенца приносили не только в часовни, но и в староверские моленные: «[Соб.: Вот говорят, была такая *Iri-buabo*]. А, да, была бабушка Бирючевская... [Соб.: А вы бывали когда-нибудь у *Iri-buabo*?] А как же? Я ещё вышивала полотенце туда. [Соб.: Зачем туда полотенца вышивают?] Ну там как вот. Кто болеет или чего, это в дар вот надо было, ну у меня было вот с детьми проблема. Я вот вышила полотенце и вот не знаю, от этого или не от этого, Бог нам дал. [Соб.: И отнесли полотенце к *Iri-buabo*?] Да, да, да. [Соб.: В моленную, да?] Да... Вышила, и оно на иконе было» [ПМА 5: Ерошёнкова].

В исследуемом нами микрорегионе существовал и существует институт часовниц – набожных женщин, следящих за порядком, покупающих свечи и хранящих ключи от часовни. Они же размещают на иконах принесённые в дар платки и полотенца: «В часовенки клали на эти, как, на иконки, на иконки, да, там и тряпочки какие, и полотенца, платки, кто чего принесёт... И у нас вот в Забелине была часовенка, дак туда. У меня вот дочка старшая всё болела и болела, не знаю, чего с ней делать, она ещё маленькая. А вот бабушки-то сказали: “Принеси новую тряпку и повесь её”, – ну они знали значит, на какую иконку повесить. Я вот принесла, они положили, повесили на какую иконку там. И дочка у меня перестала болеть, поправилась» [ПМА 1: Осипова].

Порой вотивных даров становилось так много, что за ними нельзя было разглядеть святыню. Часовница в русской д. Черкасова Горка даже не знает, какой крест стоит в часовне: каменный или деревянный: «Он всегда в какой-то одежде был», – говорит она, – я его не раздевала» [ПМА 6: Белова].

Считается, что выбрасывать вотивные дары нельзя. В случае необходимости их следует утилизировать специальным образом [4, 21–24]. Так, несколько лет назад при ремонте часовни в д. Бирючёво все старые платки и полотенца были сожжены, а пепел был захоронен под основание часовни. В некоторых случаях приношения допускалось продавать. Например, в 1990-х гг. по совету православного священника часовница продавала принесённую в Белый Бор заветную шерсть и покупала на вырученные деньги свечи [34, 48].

К деревенским святыням шли с самыми разными недугами. Обычно у каждой святыни была своя «специализация». В Белый Бор, например, направлялись с болезнями ног, глазными болезнями и в случае проблем со скотом, в д. Михеево – с болезнями рук и ног, с кожными заболеваниями и с зубной болью.

Для излечения прибегали к типичным практикам. В Белом Бору умывались водой из ключа и брали её с собой. В Михеево драли мох с камня и мазали им больные части тела, прикладывались руками или коленями к камню, грызли камень, чтобы не болели зубы, набирали мох с собой, заваривали его потом и пили в лечебных целях.

С местными святынями часто связаны рассказы о чудесных исцелениях [22, 127]. Однако среди десятков записанных нами текстов такие мотивы встречаются редко. Выздоровление воспринимается современными носителями традиции не как чудо, а как закономерное следствие данного завета и предпринятых в связи с ним ритуальных действий.

Заветы сегодня

В настоящее время часовни и прочие святыни посещаются в основном окказионально, чаще всего в поминальные дни. По рассказам хранительницы турандинской часовни, в 2024 г. на престольный праздник туда вообще никто не зашёл, а в Пасху побывало всего несколько дачников [ПМА 6: Петрова]. Чуть больше людей собирается на праздники в коростелёвскую, бирючёвскую и толстинскую

часовни, а относительно многочисленные па-ломничества совершаются лишь в д. Михеево в день памяти влмч. Пантелеймона и в Белый Бор в день памяти Кирика и Иулитты. Для уроженцев этой практически нежилой деревни ежегодное посещение часовни имеет ещё и важную коммуникативную функцию.

Большинство из наших информантов, дававших завет в молодости, уже не ходят к святыне на ежегодный праздник, но по-прежнему считают этот день особым: «Завечали, завечали, вот меня мама и завещала. У ей было 7 человек детей со мной, а и помирали чего-то все маленькие. Потому помирали, что она постничала каждые посты. Молоком кормила, а чего молоко было, раз постничала долго? Они сразу и помирали – годик-полгода. И потом видит, что, наверное, я одна осталась. Трое мы были: мальчик – годик, и потом девочка – три годика. А я – мне пять годов – я уже понимала маленько. И вот она меня завещала, что – Кирика вот, в Белом Бору Кирика – в Кирику завещала, что ходила она со мной: “Вырастет – будет сама. Господе Боже, чтоб не померла, чтобы осталась”, – хватились уже, что никого не останется. И потом в Донскую вот в Селище завещано было. А я и сейчас помню, и вот, как эти праздники, я свечку поставлю и молюсь, завещание не забыла до конца, я молюсь» [ПМА 4: Бирючевская].

Для одной из наших русских собеседниц св. Пантелеймон, в день памяти которого ходят в Михеево, вообще стал своеобразным «ангелом-хранителем». Она уже давно не ходит к святыне, но молится Пантелеймону при любых жизненных невзгодах: «Вот я всё Пантелея прошу, чтоб помог, да: “Пантелей-Пантелеюшка, малы детушки”. Ну и так-то много ведь молитв, я не знаю... У меня как-то всё было хорошо, было как-то помолюсь и прошу, завещаю – Пантелей дак. У меня получалось. Было скотинка заболит аль что уж – я думаю: “Господи, помоги ты”. Дак я часто это вспоминаю. Всё-таки Пантелей помогал» [ПМА 2: Е. Ф. Петрова].

Ж. В. Кормина пишет, что «практика завета практически исчезла из современного православного обихода» [12, 59]. Действительно, нам неизвестно, чтобы кто-то из тихвинских карелов давал осознанные заветы в наше время. Это, впрочем, не означает, что деревенские жители уже не благодарят Бога и не просят его о чём-то. Так, полотенца и платки (а в последнее время — и иконы) обязательно приносят

в часовни и сегодня. Не все, кто это делает, давал завет, но всё же понимает, что делается это «на здравие»: «Завещаются, ходят в часовню, просят Бога, там за здоровье или чего, ну типа завещаются. А я, значит, отнесу платок туда в часовню или чего. Ну завещаются, что Бог, дай мне здоровья» (перевод с карельского языка) [ПМА 7: Алавацкая].

Некоторые, впрочем, объяснить предназначение вотивных полотенец уже не могут. В лучшем случае говорят, что это «подарок Богу»: «Носят и платки, носят, и иконку кто какую. Но приносят, приносят, приносят. А платки — не знаю, вот даже и обманывать не буду, что зачем платки приносят, а вот приносят, носят. А не знаю, и обманывать не буду, не знаю зачем» (перевод с карельского языка) [ПМА 6: Наумова].

Как отмечала Т. Б. Щепанская, в конце XX в. всё большее значение в заветной традиции стали приобретать поминальные практики [39, 287]. Мы тоже неоднократно слышали, что платки и полотенца в часовнях – это «память об усопших» или «подарок мёртвым». С одной стороны, это связано с тем, что сегодня в часовни заходят, как правило, лишь на похоронах и в поминальные дни. Но, с другой стороны, как мы показали выше, поминальная функция заветов не нова. Обычай жертвовать в часовни платки по случаю смерти родственника существовал и прежде. Кроме того, в часовни отдавали полотенца, которыми покрывался гроб при выносе его из дома.

В настоящее время, помимо платков и полотенец, в часовни приносят оставшиеся после смерти родственников подручники и лестовки, а в случае смерти детей приносят детские игрушки. В д. Коростелёво в день похорон в часовню также приносят икону. На сороковой день её могут забрать, но чаще всего оставляют.

Обсуждение и заключение

Заветы представляли собой весьма доступный для индивида и коллектива способ коммуникации с сакральным миром. Жители карельских и русских деревень прибегали к ним для преодоления различных кризисных ситуаций, диапазон которых довольно широк: от потери скотины до женского бесплодия.

Во всех известных нам случаях заветы тихвинских карелов имели индивидуальный характер. В XX в. наиболее часто встречавшейся

заветной практикой местных крестьян являлись богомолья к деревенским святыням, а самыми распространенными votивными приношениями были платки, полотенца и мелкие монеты.

Собранные нами материалы свидетельствуют, что терапевтическая функция заветов была хоть и основной, но не единственной. Заветная традиция была тесно переплетена с календарными обрядами и поминальными практиками. Роль последних среди тихвинских карелов постепенно возрастает. Кроме того, в некоторых

записанных нами текстах о паломничествах усматривается мотив покаяния в совершенных грехах.

В обследованном микрорегионе на протяжении столетий совместно проживали карелы и русские, старообрядцы и мирские. В прошлом они могли образовывать относительно замкнутые этноконфессиональные сообщества. Но совершившиеся по завету паломничества разрушали существовавшие границы и, вероятно, способствовали межэтнической и межконфессиональной коммуникации.

Список источников и литературы

1. Адоньева С. Б. Ритуалы бедствия и заветные праздники // Ритуалы бедствия: антропологические очерки. СПб.: Пропповский центр, 2020. С. 7–45.
2. Алексеева Н. В. Покаяние в православной традиции русских крестьян XVIII–XIX вв. (по материалам Европейского Севера России): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1998. 18 с.
3. Антонов Д. И. Вотивные дары на Руси: предметы и практики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 50–69. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-50-69.
4. Антонов Д. И. Священный мусор: практики ритуализированной утилизации в современной церковной традиции // Живая старина. 2022. № 1. С. 21–24.
5. Бландов А. А. Конфессиональное настоящее тихвинских карелов // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 2. С. 106–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.877.
6. Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места: топка святынь. Избранные статьи, диссертация. СПб.: Пропповский центр, 2019. 429 с.
7. Дамберг Э. О памятниках живой старины // Труды XV археологического съезда в Новгороде. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. Т. 1. С. 524–532.
8. Егоров С. Б. Этнолокальная группа русских – озеряне (исследования 2002 г. в Бокситогорском районе Ленинградской области) // Этнографическое изучение Северо-Запада России. Итоги полевых исследований 2002 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Материалы VII региональной научной конференции молодых ученых. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. С. 7–14.
9. Иванова А. А., Калущков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009. 509 с.
10. Каракулов А. Н. Обетные праздники в Нижегородском правобережье // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. № 8. С. 129–155. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-2-129-155.
11. Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. С. 77–95.
12. Кормина Ж. В. Паломники. Этнографические очерки православного номадизма. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 347 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1939-4.
13. Королькова Л. В. Старообрядцы Новолодожского, Тихвинского и Лодейнопольского уездов в первой половине XIX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятые Шёгреневские чтения. Сб. ст. СПб.: Европейский дом, 2012. С. 191–215.
14. Косенков А. Ю. Часовни климовских карел // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Естественные и технические науки». 2008. № 2 (92). С. 15–26.
15. Кремлёва И. А. Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. М.: Наука, 2010. С. 241–284.
16. Кремлёва И. А. Обетное и обыденное храмостроительство у русских: вера и подвиг // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 285–302.
17. Кремлёва И. А. Церковные праздники: место обетных праздников в русле народной культуры // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 122–161.
18. Кузьмина Е. Б. Номинация «заветных» праздников в русских народных говорах // Севернорусские говоры. 2024. № 23. С. 227–238. DOI: 10.30842/01348515202411.
19. Логинов К. К. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 46–67.
20. Мелехова Г. Н. Православные часовни Русского Севера в XX в. (по полевым материалам Каргополя и Кенозерья 2000-х гг.) // Традиции и современность. 2006. № 4. С. 69–96.

21. Никитин Г. А. Жертвоприношения в Карелии // *Материалы по этнографии*. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Поволжья и Приуралья. С. 335–347.
22. Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 319 с.
23. Панченко А. А. «Заложные родители»: смерть, коллективная память и сакральное пространство // *Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции*. Сб. ст. М.: СЭФЭР, 2008. С. 232–259.
24. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. 542 с.
25. Петров Д. Д. Сакральная география восточных районов Архангельской области: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 131 с.
26. Платонов Е. В. Часовни Тихвинского уезда (рубеж XIX–XX вв.). СПб.: Гуманитарная академия, 2011. 303 с.
27. Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. (Тихвинский говор собственно-карельского диалекта). Л.: Наука, Ленинградское отд-ие, 1980. 382 с.
28. *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)* / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
29. *Словарь карельского языка (тверские говоры)* / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
30. *Словарь собственно-карельских говоров Карелии* / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2009. 750 с.
31. Тихвинский земский календарь-справочник на 1917 год. Пг.: [б. и.], 1916. 174 с.
32. Фадеева Л. В. Рассказы об обетах и обетных святынях в современном устном репертуаре Пинежья (к вопросу о сюжетно-композиционных и жанровых особенностях текста) // *Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса*. Архангельск: ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. Вып. 2. С. 220–230.
33. Фишман О. М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // *Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 122–143.
34. Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. 407 с.
35. Фишман О. М. Исследования карельских старообрядцев в 1990-е гг. (полевые дневники) // *Материалы по этнографии*. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Поволжья и Приуралья. С. 142–176.
36. Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX века. Часть IV: Местные праздники. СПб.: Маматов, 2015. 256 с.
37. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.
38. Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // *Русский Север. К проблеме локальных групп*. СПб.: [б. и.], 1995. С. 110–176.
39. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 527 с.
40. Югай Е. Ф. Ярмарка благодати: материальное и духовное в обетный праздник и поминальные дни // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 1. С. 114–131. DOI: 10.31857/S086954150008763-9.
41. Coleman S. Powers of Pilgrimage: Religion in a World of Movement. New York: New York Univ. Press, 2021. 335 p.
42. Green R. Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia, 1860s–1920s. DeKalb, IL: Northern Illinois Univ. Press, 2010. 292 p.
43. Kenworthy S. M. The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825. New York: Oxford University Press, 2010. 528 p.
44. Kipeläinen H. Valamo-karjalaisten luostari? Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmanneotien välisenä aikana. Helsinki: SKS, 2000. 524 p.
45. Robson R. R. Pilgrimage at Solovki in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Cahiers Slaves*. 2004. № 7. Pp. 281–302.
46. Stark L. Peasants, Pilgrims and Sacred Promises. Ritual and Supernatural in Orthodox Karelian Folk Religion. Helsinki: Finnish Literature Society, 2002. 229 p.
47. Worobec C. Orthodox Faith on the Move in Late Imperial Russia // *Nineteenth-Century Pilgrimages: A New Golden Age* / ed. by Antón M. Pazos. London: Routledge, 2020. Pp. 205–222.

Полевые материалы автора

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Август 2020 г. (информант: Н. Н. Осипова, 1939 г. р., д. Забелино).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Июль–август 2021 г. (информанты: В. Г. Богданова, 1942 г. р., д. Ростань; Г. П. Петрова, 1936 г. р., д. Ростань; Е. Ф. Петрова, 1938 г. р., д. Карповская).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Октябрь 2021 г. (информант: П. С. Алавацкая, 1950 г. р., д. Толсть).

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Сентябрь 2022 г. (информанты: Т. С. Данилова, 1960 г. р., д. Бирючëво; А. Д. Бирючевская, 1925 г. р., д. Бирючëво).

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Июнь 2023 г. (информант: О. Ф. Ерошëнкова, ок. 1956 г. р., д. Бирючëво).

ПМА 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Июль–август 2024 г. (информанты: В. И. Кольцов, 1949 г. р., д. Курята; Е. Ф. Осипова, 1953 г. р., д. Забелино; Л. Ф. Петрова, 1964 г. р., д. Турандино; М. Т. Круглова, 1956 г. р., д. Новинка; Е. Ф. Наумова, 1950 г. р., д. Забелино; А. Г. Белова, 1948 г. р., д. Черкасова Горка).

ПМА 7 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Сентябрь 2024 г. (информант: П. С. Алавацкая, 1950 г. р., д. Толсть).

References

1. Adonyeva S. B. *Ritualy bedstviya i zavetnye prazdniki* [Rituals of disaster and vow festivals]. *Ritualy bedstviya: antropologicheskie ocherki* [Rituals of disaster: anthropological essays]. Saint-Petersburg: Proppovskij center Publ., 2020. Pp. 7–45. (In Russian)
2. Alekseeva N. V. *Pokayanie v pravoslavnoy traditsii russkikh krest'yan XVIII–XIX vv. (po materialam Evropeyskogo Severa Rossii)* [Repentance in the Orthodox tradition of Russian peasants of the XVIII–XIX centuries (based on the materials from the European North of Russia)]. Vologda, 1998. 18 p. (In Russian)
3. Antonov D. I. *Votivnye dary na Rusi: predmety i praktiki* [Votive gifts in Russia: objects and practices]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* [RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies"], 2022, no. 4, pp. 50–69. (In Russian)
4. Antonov D. I. *Svyashchenny musor: praktiki ritualizirovannoy utilizatsii v sovremennoy tserkovnoy traditsii* [Sacred garbage: ritualized disposal practices in the modern church tradition]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2022, no. 1, pp. 21–24. (In Russian)
5. Blandov A. A. *Konfessional'noe nastoyashchee tikhvinskikh karelov* [The confessional present of the Tikhvin Karelians]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2023, no. 45 (2), pp. 106–111. (In Russian)
6. Vinogradov V. V. *Severorusskie pochitaemye mesta: topika svyatyn'. Izbrannye stat'i, dissertatsiya* [North Russian venerated places: the topic of shrines. Selected articles, dissertation]. Saint-Petersburg: Propp center Publ., 2019. 429 p. (In Russian)
7. Damberg E. *O pamyatnikakh zhivoy stariny* [On the monuments of living antiquity]. *Trudy XV arkheologicheskogo sjezda v Novgorode* [Proceedings of the XV Archaeological Congress in Novgorod]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1914. Vol. 1. Pp. 524–532. (In Russian)
8. Egorov S. B. *Etnolokal'naya grupa russkikh – ozeryane (issledovaniya 2002 g. v Boksitogorskom rayone Leningradskoy oblasti)* [The ethnolocal group of the Russians – the Ozerskoye people (investigations in the Boksitogorsk District of Leningrad Oblast in 2002)]. *Etnograficheskoe izuchenie Severo-Zapada Rossii. Itogi polevykh issledovaniy 2002 g. v Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastiakh. Materialy VII regional'noy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh* [Ethnographic study of the North-West of Russia. The results of the field research of 2002 in Leningrad, Pskov and Novgorod Oblasts. Proceedings of the VII regional Scientific Conference of the young scientists]. Saint-Petersburg: SPBGU Publ., 2002. Pp. 7–14. (In Russian)
9. Ivanova A. A., Kalutskov V. N., Fadeeva L. V. *Svyatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya (materialy i kommentarii)* [Holy places in the cultural landscape of Pinezhye (materials and comments)]. Moscow: OGI Publ., 2009. 509 p. (In Russian)
10. Karakulov A. N. *Obetnyye prazdniki v Nizhegorodskom pravoberezh'ye* [Votive holidays in the Nizhny Novgorod Right Bank]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: structure, typology, semiotics], 2025, no. 8, pp. 129–155. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-2-129-155. (In Russian)
11. Konkka A. P. *Zhertvoprinosheniya zhitovnykh na letnikh kalendarnykh prazdnikakh karel (materialy k opisaniyu obryada)* [Animal sacrifices on the Karelian summer calendar festivals (materials for the description of the ritual)]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Rituals and beliefs of the peoples of Karelia]. Petrozavodsk: KFAN SSSR Publ., 1988. Pp. 77–95. (In Russian)
12. Kormina Zh. V. *Palomniki. Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic essays of Orthodox nomadism]. Moscow: Izdatelskij dom WSCHE Publ., 2019. 347 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1939-4. (In Russian)
13. Korolkova L. V. *Staroobryadtsy Novoladozhskogo, Tikhvinskogo i Lodeynopol'skogo uezdov v pervoy polovine XIX v.* [Old Believers of Novaya Ladoga, Tikhvin and Lodeynoye Pole uyezds in the first half of the XIX century]. *Istoriiko-kul'turnyy landshaft Severo-Zapada-2. Pyatye Shegrenovskie chteniya. Sb. st.* [Historical and cultural landscape of the North-West-2. The Fifth Sjögren's Readings. Collection of articles]. Saint-Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2012. Pp. 191–215. (In Russian)

14. Kosenkov A. Yu. *Chasovni klimovskikh karel* [The chapels of the Klimovo Karelians]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2008, no. 2 (92), pp. 15–26. (In Russian)
15. Kremleva I. A. *Mesto obeta v mirovozzrenii i povsednevnoy zhizni russkogo naroda* [The place of the vow in the worldview and everyday life of the Russian people]. *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Shrines and holiness in the life of the Russian people. Ethnographic study]. Moscow: Nauka Publ., 2010. Pp. 241–284. (In Russian)
16. Kremleva I. A. *Obetnoe i obydennoe khramostroitel'stvo u russkikh: vera i podvig* [Votive and daily church building among the Russians: faith and feat]. *Geroicheskoe i povsednevnoe v massovom soznanii russkikh XIX – nachala XXI vv.* [Heroic and daily in the mass consciousness of the Russians of the XIX – early XXI centuries]. Moscow: Institut Ethnologii i Anthropologii RAN Publ., 2013. Pp. 285–302. (In Russian)
17. Kremleva I. A. *Tserkovnye prazdniki: mesto obetnykh prazdnikov v rusle narodnoy kul'tury* [Church festivals: the place of votive festivals in the mainstream of folk culture]. *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Church festivals of the Russian people: from the past to the present]. Moscow: Institut Ethnologii i Anthropologii RAN Publ., 2011. Pp. 122–161. (In Russian)
18. Kuzmina E. B. *Nominatsiya "zavetnykh" prazdnikov v russkikh narodnykh govorakh* [Nomination of "sacred vow" holidays in Russian regional dialects]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 2024, no. 23, pp. 227–238. (In Russian)
19. Loginov K. K. *O zhertvoprinosheniyakh v Zaonezh'e* [On the sacrifices in Zaonezhye]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Rituals and beliefs of the peoples of Karelia]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 1992. Pp. 46–67. (In Russian)
20. Melekhova G. N. *Pravoslavnye chasovni Russkogo Severa v XX v. (po polevym materialam Kargopol'ya i Kenozerye)* [Orthodox chapels of the Russian North in the XX century (based on the field materials of the 2000s from Kargopolye and Kenozerye)]. *Traditsii i sovremennost'* [Traditions and Modernity], 2006, no. 4, pp. 69–96. (In Russian)
21. Nikitin G. A. *Zhertvoprinosheniya v Karelii* [Sacrifices in Karelia]. *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. Saint-Petersburg: Delovaya poligrafya Publ., 2004. Vol. 2. Pp. 335–347. (In Russian)
22. Panchenko A. A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 1998. 319 p. (In Russian)
23. Panchenko A. A. *"Zalozhnye roditeli": smert', kolektivnaya pamyat' i sakral'noe prostranstvo* ["Undead" people: death, collective memory and sacred space]. *Sakral'naya geografiya v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii. Sb. st.* [Sacred geography in the Slavic and Jewish cultural tradition. Collection of articles]. Moscow: SEFER Publ., 2008. Pp. 232–259. (In Russian)
24. Panchenko A. A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina and skopchestvo: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI Publ., 2002. 542 p. (In Russian)
25. Petrov D. D. *Sakral'naya geografiya vostochnykh rayonov Arkhangel'skoy oblasti* [Sacred geography of the Eastern districts of Arkhangelsk Oblast]. Moscow, 2015. 131 p. (In Russian)
26. Platonov E. V. *Chasovni Tikhvinskogo uezda (rubezh XIX–XX vv.)* [Chapels of the Tikhvin uезд (the turn of the XIX–XX centuries)]. Saint-Petersburg: Gumanitarnyya Akademiya Publ., 2011. 303 p. (In Russian)
27. Ryagoev V. D. *Obraztsy karel'skoy rechi. (Tikhvinskiy govor sobstvenno-karel'skogo dialekta)* [Samples of the Karelian speech. (Tikhvin subdialect of the Proper Karelian dialect)]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 382 p. (In Russian)
28. *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvi dialect)]. Comp. G. N. Makarov. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Russian)
29. *Slovar' karel'skogo yazyka (tverskie govory)* [Dictionary of the Karelian language (Tver subdialects)]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1994. 396 p. (In Russian)
30. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of the Proper Karelian subdialects of Karelia]. Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk: IYaLI KarNC RAN Publ., 2009. 750 p. (In Russian)
31. *Tikhvinskiy zemskiy kalendar'-spravochnik na 1917 god* [Tikhvin Zemsky calendar-handbook for 1917]. Petrograd: [w/p], 1916. 174 p. (In Russian)
32. Fadeeva L. V. *Rasskazy ob obetakh i obetnykh svyatyniyakh v sovremennoy ustnom repertuare Pinezh'ya (k voprosu o syuzhetno-kompozitsionnykh i zhanrovnykh osobennostyakh teksta)* [Stories about vows and votive shrines in the modern oral repertoire of Pinezhje (on the issue of plot-compositional and genre features of the text)]. *Narodnye kul'tury Russkogo Severa. Fol'klornyy entitet etnosa* [Folk cultures of the Russian North. Folklore entity of an ethnic group]. Arkhangelsk: PGU im. M. V. Lomonosova Publ., 2004. Iss. 2. Pp. 220–230. (In Russian)
33. Fishman O. M. *"Otche" i kolduny: obrazy zhizni karel'skoy starobryadcheskoy obshchiny* ["Otche" and sorcerers: lifestyles of the Karelian old believers' community]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii: Chelovek i ego zhiznennyi tsikl* [Rituals and beliefs of the peoples of Karelia: Person and his life cycle]. Petrozavodsk: KarNZ RAN Publ., 1994. Pp. 122–143. (In Russian)

34. Fishman O. M. *Zhizn' po vere: tikhvinskie karely-starobryadtsy* [Living by faith: the Tikhvin old believing Karelians]. Moscow: Indrik Publ., 2003. 408 p. (In Russian)
35. Fishman O. M. *Issledovaniya karel'skikh starobryadtsev v 1990-e gg. (polevye dnevniki)* [Investigations of the Karelian old believers in the 1990s. (field diaries)]. *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. Saint-Petersburg: Delovaya poligrafiya Publ., 2004. Vol. 2. Pp. 142–176. (In Russian)
36. Chernykh A. V. *Russkiy narodnyy kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady kontsa XIX – serediny XX veka* [Russian folk calendar in Prikamye. Feasts and rituals of the late XIX – middle XX centuries]. Saint-Petersburg: Mamatov Publ., 2015. Part 4. 256 p. (In Russian)
37. Shtyrkov S. A. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoy Novgorodchiny)* [Historical legends about foreign invasions: folk narratives and mythology of the landscape (on the materials from the Northeast of Novgorod region)]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2012. 228 p. (In Russian)
38. Shchepanskaya T. B. *Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoeniya prostranstva)* [Crisis network (traditions of spiritual development of the space)]. *Russkiy Sever. K probleme lokal'nykh grupp* [Russian North. To the problem of local groups]. Saint-Petersburg: [w/p], 1995. Pp. 110–176. (In Russian)
39. Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [Culture of the road in the Russian mythological tradition of the XIX–XX centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2003. 527 p. (In Russian)
40. Yugai E. F. *Yarmarka blagodati: material'noe i dukhovnoe v obetnyi prazdnik i pominal'nye dni* [Fair of grace: the material and spiritual during the votive feast and memorial days]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2020, no. 1, pp. 114–131. (In Russian)
41. Coleman S. *Powers of Pilgrimage: Religion in a World of Movement*. New York: New York Univ. Press, 2021. 335 p. (In English)
42. Green R. *Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia, 1860s–1920s*. DeKalb, IL: Northern Illinois Univ. Press, 2010. 292 p. (In English)
43. Kenworthy S. M. *The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825*. New York: Oxford University Press, 2010. 528 p. (In English)
44. Kipeläinen H. *Valamo-karjalaisten luostari? Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmanneotien välisenä aikana*. Helsinki: SKS, 2000. 524 p. (In Finnish)
45. Robson R. R. Pilgrimage at Solovki in the Nineteenth and Twentieth Centuries. *Cahiers Slaves*, 2004, no. 7, pp. 281–302. (In English)
46. Stark L. *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises. Ritual and Supernatural in Orthodox Karelian Folk Religion*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2002. 229 p. (In English)
47. Worobec C. Orthodox Faith on the Move in Late Imperial Russia. *Nineteenth-Century Pilgrimages: A New Golden Age*. London: Routledge, 2020. Pp. 205–222. (In English)

Field materials of the author

Field materials of the author 1 – *E'kspeditsiya v Boksitogorskij r-n Leningradskoj obl. Avgust 2020 g. (Informant: N. N. Osipova, 1939 g. r., d. Zabelino)* [Expedition to the Boksitogorsky District, Leningrad Oblast. August 2020 (Informant: N. N. Osipova, 1939 year of birth, village of Zabelino)].

Field materials of the author 2 – *E'kspeditsiya v Boksitogorskij r-n Leningradskoj obl. Iyul'–avgust 2021 g. (Informanty': V. G. Bogdanova, 1942 g. r., d. Rostan'; G. P. Petrova, 1936 g. r., d. Rostan'; E. F. Petrova, 1938 g. r., d. Karpovskaya)* [Expedition to the Boksitogorsky District, Leningrad Oblast. July – August 2021 (Informants: V. G. Bogdanova, 1942 year of birth, village of Rostan; G. P. Petrova, 1936 year of birth, village of Rostan; E. F. Petrova, 1938 year of birth, village of Karpovskaya)].

Field materials of the author 3 – *E'kspeditsiya v Boksitogorskij r-n Leningradskoj obl. Oktyabr' 2021 g. (Informant: P. S. Alavackaya, 1950 g. r., d. Tolst')* [Expedition to the Boksitogorsky District, Leningrad Oblast. October 2021 (Informant: P. S. Alavatskaya, 1950 year of birth, village of Tolst)].

Field materials of the author 4 – *E'kspeditsiya v Boksitogorskij r-n Leningradskoj obl. Sentyabr' 2022 g. (Informanty': T. S. Danilova, 1960 g. r., d. Biryuchyovo; A. D. Biryuchevskaya, 1925 g. r., d. Biryuchyovo)* [Expedition to the Boksitogorsky District, Leningrad Oblast. September 2022 (Informants: T. S. Danilova, 1960 year of birth, village of Biryuchovo; A. D. Biryuchevskaya, 1925 year of birth, village of Biryuchovo)].

Field materials of the author 5 – *E'kspeditsiya v Boksitogorskij r-n Leningradskoj obl. Iyun' 2023 g. (Informant: O. F. Eroshyonkova, ok. 1956 g. r., d. Biryuchyovo)* [Expedition to the Boksitogorsky District, Leningrad Oblast. June 2023 (Informant: O. F. Yeroshenkova, 1956 year of birth, village of Biryuchovo)].

Field materials of the author 6 – *E'kspeditsiya v Boksitogorskij r-n Leningradskoj obl. Iyul'–avgust 2024 g. (Informanty': V. I. Kol'czov, 1949 g. r., d. Kuryata; E. F. Osipova, 1953 g. r., d. Zabelino; L. F. Petrova, 1964 g. r., d. Turandino; M. T. Kruglova, 1956 g. r., d. Novinka; E. F. Naumova, 1950 g. r., d. Zabelino; A. G. Belova, 1948 g. r., d. Cherkasova Gorka)* [Expedition to the Boksitogorsky District, Leningrad Oblast. July – August 2024 (Informants: V. I. Koltsov, 1949 year of birth, village of Kuryata; E. F. Osipova, 1953 year of birth, village of Zabelino; L. F. Petrova, 1964 year of birth,

village of Turandino; M. T. Kruglova, 1956 year of birth, village of Novinka; E. F. Naumova, 1950 year of birth, village of Zabelino; A. G. Belova, 1948 year of birth, village of Cherkasova Gorka)].

Field materials of the author 7 – *E`kspediciya v Boksitogorskij r-n Leningradskoj obl. Sentyabr` 2024 g. (Informant: P. S. Alavaczkaya, 1950 g. r., d. Tolst`)* [Expedition to the Boksitogorsky District, Leningrad Oblast. September 2024 (Informant: P. S. Alavatskaya, 1950 year of birth, village of Tolst)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бландов Алексей Александрович, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), кандидат исторических наук.

vap_87@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0003-1473-0314

ABOUT THE AUTHOR

Blandov Aleksey Aleksandrovich, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya Str., 11), Candidate of Historical Sciences.

vap_87@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0003-1473-0314